

Вдохнул в песнопения жизнь

Композитор и регент Чудовского хора Федор Алексеевич Багрецов (1812 - 1874)

Михаил ВОСТРЫШЕВ

С приветственной речью при открытии Московской консерватории 1 сентября 1866 года выступил старейший русский музыкант князь В. Ф. Одоевский. «В настоящую минуту, - говорил он, - я не могу хоть в нескольких простых словах не выразить моего глубокого сочувствия к той деятельности Московского музыкального общества, которая оставалась как бы забытою во всех наших художественно-музыкальных сообществах. В вашей консерватории будет преподаваться наука, к удивлению, у нас новая - история церковного пения в России. Новая до такой степени, что нельзя указать ни одного печатного сочинения, которое могло бы служить учебником или руководством по сему предмету. В нашей Церкви сохранилось песнопение, которым более семисот лет оглашаются наши православные храмы. Песнопение самобытное, не похожее ни на какое другое, имеющее свои особые законы, свой отличный характер и высокое как историческое, так и художественное значение».

В Москву издавна шли и ехали не только, чтобы прокутить деньги, найти капитал или поклониться древним святыням. Любители церковного пения считали за великую радость послушать знаменитый Чудовский хор.

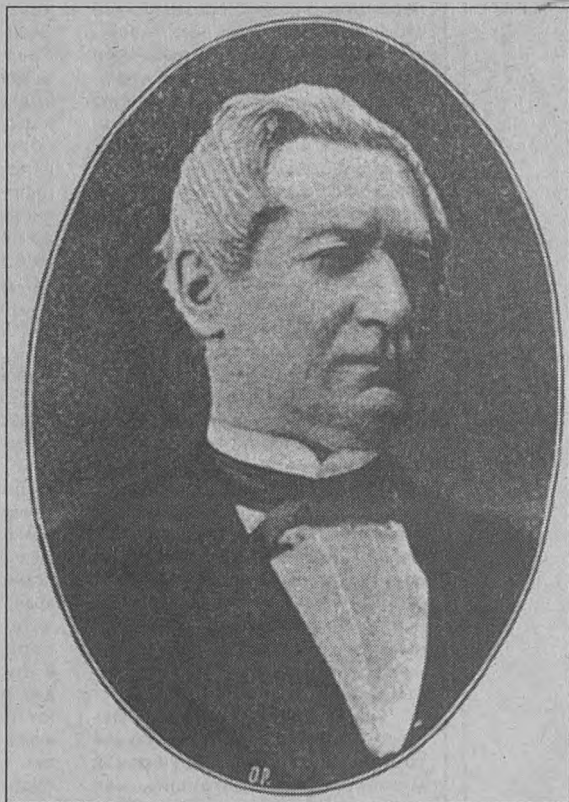
Еще в 1750 году архиепископ Московский Платон (Малиновский), знаток и любитель церковного пения, писал из Петербурга члену Московской духовной консистории, игумену Нико-

ло-Угрешского монастыря Иоанну, чтобы он подготовил в Чудовом монастыре Кремля покои для певчих. В исполнение повеления владыки также по Московской епархии стали набирать «певчих, добрых и искусных, и в голосах исправных».

В Чудовом монастыре певчие жили до 1815 года, когда переехали в Троицкое подворье на Самотеке, где и находились до уничтожения хора в первые годы советской власти.

Своей славой более всего Чудовский хор обязан Федору Алексеевичу Багрецову, назначенному его регентом самим митрополитом Московским Филаретом. Москвичи стали говорить: Чудовско-Багрецовский хор.

Более полувек из своих шестидесяти двух лет жизни служил Багрецов как певец, регент и композитор Чудовскому хору. «Мы слышали много хоров московских, провинциальных и петербургских, - писал в газете «Современные известия» ее редактор Н. П. Гиляров-Платонов. - Пение некоторых из них поражаало нас иногда то массивностью и силою, точною темпа, то металлочною и, так сказать, инструментальностью строя, но почти всегда бездушным. Но такого художественного оживления и выразительности, такого мастерства овладеть вниманием и душами хористов

(а через них и народа) не встречали нигде».

Родился Багрецов в 1812 году в селе Загарье Богородского уезда Московской губернии, где его отец служил дьячком и впоследствии был переведен пономарем в московский храм Спаса на Болвановке.

Федю Багрецова в семилетнем возрасте определили в Заиконоспасское духовное училище, но через год забрали в хор Чудова монастыря. У мальчика оказался великолепный дискант, и в скором времени он

стал солистом. В 18 лет его прелестное сопрано потеряло красоту и силу, и он стал усиленно изучать теорию музыки, совершенствоваться в игре на скрипке и потихоньку писать собственные музыкальные сочинения. Ему поручили сначала управлять частью хора, разъезжавшего по другим городам, а в 1840 году митрополит Филарет поставил его регентом над всеми певчими. С этих пор все крепче за Чудовским хором стала укрепляться слава первого в России. Его наперебой приглашают в московские храмы. В домашних церквях высшей аристократии всегда «полный аншлаги», когда туда приезжали чудовские певчие. После одного из выступлений бе-

зьянный почитатель писал Багрецову:

Вчера к тебе мы
собрались,
Пред нами вышел
стройный хор,
И звуки чудные на небо
понеслись,
А ими управлял один твой
взор.

В пении Чудовско-Багрецовского хора поражала прежде всего жизненность исполнения песнопений. В отличие от других церковных регентов, Федор Алексеевич на первое место

поставил четкое и осмысленное произношение текста. «На ритм пьесы и на самые звуки, - говорили почитатели его таланта, - он смотрел как на слуг, необходимых для изображения всей глубины текста».

«Багрецов одарен был особенно святою искрою огня вдохновения, - вспоминал протопресвитер Успенского собора Московского Кремля В. С. Марков, - которая сообщалась от него и всем исполнителям церковных песнопений под его руководством».

«Багрецов был вдохновенный дирижер, - утверждал журнал «Семья». - Он умел вдохнуть жизнь в каждое сочинение, в каждый аккорд, умел сообщить свой художественный экстаз подведомственному хору, и тот прямо ударял по сердцам слушателей. В этом исполнении не только было все музыкально и технически совершенно, но все было одухотворено и прочувствовано. А достигалось это какими-то совсем ни для кого невидимыми средствами. Багрецов, как истинный гостеприимный человек и сам стоял лицом к алтарю, и певчим не позволял от него отвертываться в сторону регента. Дирижерские же его взмахи были доведены до минимума, до еле заметных движений руки, которые, тем не менее, умели вдохновлять хор, делать из него, что было угодно даровитейшему регенту».

Вдохновенный регент, Багрецов был вдохновенным и в своих музыкальных произведениях. Он не заботился об их распространении - писал специально для своего хора. Но все равно его сочинения расходились по Москве во множестве списков. Но, увы, не все. Из сорока

написанных композитором музыкальных пьес, двенадцать к концу XIX века оказались навсегда утраченными, так как не осталось ни одного их списка.

Обычно новую пьесу своего регента хор исполнял в его любимом храме Успения на Могилцах.

- Чье это произведение? - спрашивали Багрецова любопытные.

- Это новенькое, но не знаю чье, - уклончиво отвечал композитор.

Среднего роста, с правильными чертами гладко выбритого лица, всегда в черном сюртуке, он всю жизнь был в высшей степени прост и скромнен, как почти каждый выдающийся талант. Его хлебосольный московский дом часто посещали и церковные певчие, и артисты русской оперы, и звезды итальянского певческого искусства. Частыми его гостями было и московское именитое купечество - неперенные поклонники его таланта.

Последний раз Багрецов руководил своим хором за всемошной службой под Духов день в церкви святителя Николая, что на Мясницкой, где была исполнена и его пьеса «Хвалите имя Господа». Потом он уехал на дачу во Владыкино, и там, вдали от своего родного хора, неожиданно для всех умер от сердечного приступа в ночь на 27 мая 1874 года. Чудовские певчие перенесли гроб в Москву и совершили литию у могилы своего учителя в Алексеевском женском монастыре.

Московские храмы продолжали блистать золотом и серебром, но богослужения лишились одного из лучших своих украшений - регента Чудовского хора.